

В стране катастрофически растет число людей, которые исчезли без следа. Они пропадают внезапно, без объяснимых причин, многие — навсегда. За несколько лет количество пропавших без вести почти удвоилось и превысило астрономическую цифру в 120 тысяч человек. Так, за один только год уходит в никуда население немалого города.

Из 120 тысяч человек, которые пропали только в прошлом году, большинство мужчины — почти 59 тысяч. 38 тысяч — женщины, 23 тысячи — несовершеннолетние и малые дети. Большинство все-таки находят. Живыми. Иногда через месяц, иногда через несколько лет.

Самое страшное — это время. То самое время, что невозможно повернуть вспять, как бы ни старалась.

Марии хотелось закрыть глаза, сжаться до атома и взорваться, словно сверхновая звезда. Чтобы безвозвратно стереть последние семь лет и снова оказаться в точке отсчета, когда все пошло не так.

Погода была под стать ее чувствам. После длительной, изматывающей душу жары, испещрившей трещинами и рытвинами и без того порядком поизносившуюся землю, дождя ждали, словно пришествия Мессии. Казалось, что вот-вот он снизойдет на грешную землю и смоеет все грехи, но ожидание мучительно затягивалось. Хотя с утра тучи потихоньку подтягивались, превращая небо в шахматную доску. То тут, то там еще мелькали белесые пятна, но на них неотвратимо напоззали черные грозовые кляксы, собираясь с силами и готовясь дать человечеству решительный бой.

Гром подавал первые робкие звуки, небо давило, давление падало, хотелось спать и танце-

вать одновременно. Если бы дождь рухнул прямо сейчас, она, наверное, сбросила бы прилипшую к телу потную одежду и кинулась бы обнаженной под тугие струи. Чтобы смыть все то, чторосло на нее за последние годы, словно песок на скалы.

— А ты так изменилась... — Валера не замечал ее состояния, смотрел пьяным влюбленным взглядом, сократил дистанцию до неприличия, вторгнувшись в «личное пространство».

Так теперь говорили в ее новой стране. Господи, да она и знать не знала таких терминов, пока не переехала. А теперь, за семь лет, отвыкла, что кто-то может подойти настолько близко, что можно почувствовать запах кожи, теплое родное дыхание, увидеть мельчайшие подробности — тонкие заломы морщин, которых раньше не было. Пробившуюся за день щетину. Глаза, все такие же светлые и безмятежные, похожие на кубики льда, в которых застыл желтый песок. Глаза хищника. Она забыла, как это бывает, когда подходят настолько близко. Даже маленькую Верочку старалась просто целовать, не заключая в объятия.

Маленькое кафе за два квартала от ее прежнего дома ничуть не изменилось. Даже удивительно, ведь за время ее отсутствия родной город вырос, модернизировался, вытеснил

наименее жизнеспособные заведения, заменив их новенькими, безликими. А здесь, в кафе, словно в разбитых песочных часах, время остановилось.

Все те же потрепанные пластиковые стулья — белые и ярко-алые. Те же зеленые поцарапанные столы, которые даже не пытались уберечь скатертями. Безвкусные украшения из пыльных искусственных цветов, выгоревших от солнца и времени, покрывшиеся равномерным слоем пыли.

Кафе напоминало небольшую забегаловку в курортном поселке, что одним видом отпугивает солидных клиентов и случайных прохожих. Возможно, именно за это его и любили постоянные посетители. Кафе было «для своих». Единственный уцелевший оплот постоянства в ее так часто сотрясающемся мире. Здесь даже официантка не изменилась. Только макияж стал чуть ярче, волосы чуть желтее, а в круглых равнодушных глазах плескалось немного больше грусти. Она сразу же узнала Машу, и от этого стало еще горше. Кивнула, словно они вчера расстались, и принесла «как обычно» — крепкий черный кофе без сахара.

Маша даже зажмурилась, на долю секунды поверив, что усилием воли сможет все вернуть назад и поступить правильно. Глупые мечты. Ее реальность была здесь, рядом. Шептала теплым

голосом, пахла недорогим коньяком и до боли знакомо улыбалась уголками глаз.

— Красивая стала, взрослая, — продолжал исповедоваться Валера, — дурак я был, Машка, не надо было мне тогда. Если б я только знал, что все так получится.

Маша открыла глаза и отвела взгляд от Валеры, уставившись в облезлую стену с потрескавшейся штукатуркой. Кафе требовался капитальный ремонт, как и всей ее жизни. Как жаль, что личные проблемы и прошлое нельзя исправить с помощью грунтовки и краски.

— Мы ведь с Ирой развелись, да, — хмельно улыбнувшись, с какой-то неуместной молодечкой удалью сообщил Валера, а Маше показалось, что старые стены вдруг качнулись и сейчас обрушатся.

— Развелись? — глупо повторила она чужим сиплым голосом.

— Да, не сложилось у нас. Мальца только жалко, Ирка его против меня настраивает. Ну а ты как? Слышал, замуж вышла, ребенка родила. Все получилось у тебя?

Маша тряхнула головой, отчаянно пытаюсь вернуться к реальности. Но не получилось. Муж, ребенок, переезд в другую страну. Жизнь, показательно счастливая, чтобы родители не волновались, — все это было там, за чертой, разделившей ее жизнь после того, как она согласилась

встретиться с Валерой в старом кафе, где когда-то и началась их любовь. Разговоры о муже и ребенке казались неуместными.

Валера решил первым:

— К тебе или ко мне?

Маша подняла глаза и в упор уставилась на человека, когда-то сломавшего ей жизнь. Того единственного, кто был способен снова ее починить.

* * *

И не было этих семи лет. Маша все так же плакала от счастья, задыхалась от чувства, которому не могла найти определение. Голова кружилась, увлекая за собой в странную карусель стены и потолок. Кажется, Валера сделал ремонт, или это они вместе с Ириной его делали? Вряд ли бы он сам выбрал обои в цветочек. Предпочел бы ровные белые стены.

В квартире все еще чувствовались рука, запах и иллюзорное присутствие другой женщины. Той самой, которую он когда-то предпочел Маше. Но сейчас это не имело ни малейшего значения. Это все в прошлом.

Они не разговаривали. В такие моменты слова не нужны. Телефон она отключила еще в кафе, безошибочно зная, чем все закончится. Даже если бы Валера не развелся с женой, Маша бы все равно своего добилась.

В последнее время она все острее ощущала потребность почувствовать себя еще раз живой и счастливой. Изю всех сил пыталась сопротивляться мраку, что грозился полностью поглотить ее. Все чаще она беспричинно плакала. Иногда ей хотелось громко кричать или завывать, как дикому зверю. Смешно, но один раз она действительно на это решилась. По совету психолога выехала в чистое поле и постаралась там выкричать свою боль. Не помогло, лишь почувствовала себя полной дурой. Что психолог мог знать о них с Валерой? И как он мог помочь исцелить боль от потери?

Был только один способ ощутить бег крови по венам — вознестись наверх и рухнуть со всей высоты, как на дурацком аттракционе. Так, чтобы сердце замерло. И захотелось кричать одновременно от страха и счастья.

Она сказала Мише — своему доброму, нежному, понимающему Мише, — что поедет по-видать родителей, соскучилась. Верочку с собой не возьмет, хочет отдохнуть. Миша, как обычно, не стал возражать и задавать вопросы — от чего, собственно, ей надо отдохнуть? Верочка целыми днями в школе, сама Маша не работает — пару частных уроков живописи в неделю, которые она дает, не в счет. Да даже если и подумал, то вслух не сказал. Лишь покорно кивнул. Наверное, в этом и заключался секрет их спокойной жизни. В Мишином понимании.

Маша прижалась к Валере, прогоняя его теплом мысли о муже и дочери. Она совершила ошибку, на перекрестке свернув не туда. И теперь ей за это отвечать. Она будет тянуть свой крест дальше, безропотно. Ведь как там говорил Сент-Экзюпери — «мы в ответе за тех, кого приручили». Хотя сам он этих принципов не соблюдал. Наверное, понимал в глубине души всю глупость собственного постулата. Ведь неужели жизнь и счастье «прирученных» важнее собственных?

Маша крепко зажмурилась, прогоняя опасные мысли.

— Ты чего, Манюня, все хорошо? — Валера чмокнул ее в лоб и потянулся за сигаретами. Худощавый, поджарый, похожий на дикого зверя. По долгу службы он каждый день тренировался в спортзале, бегал и стрелял. В последнее время увлекся марафонами. Полная противоположность мягкому увальню Мише, проводящему день за компьютером, а вечер перед телевизором с бутылочкой пива.

— Да, все отлично, лучше и быть не может, — прошептала Маша и, поцеловав Валеру в загорелый бок, уткнулась ему в подмышку, рукой обхватив сильное тело.

— А это что? — Валера одним ловким движением схватил ее за кисть. Маша не успела отдернуть руку и едва сдержалась, чтоб не выругаться. Вот дура!

— Это... так, ерунда. — Она попыталась поцеловать Валеру, чтоб изменить ход его мыслей, но потерпела фиаско.

Валера был слишком умным, чтобы отвлекаться на внешние факторы. Мыслил трезво. Поэтому и в жены себе выбрал Ирину, а не Машу. Решил, что она слишком творческая, а ему тяжело жить с фантазиями. И здесь голый расчет его подвел. Маша с трудом удержалась от улыбки, но, взглянув в лицо Валере, осеклась.

Он сидел на кровати, по-прежнему держа Машу за руку, и рассматривал тонкие белые шрамы, которые так и не ушли, несмотря на все ее старания и новомодные кремы, дарившие обещания полного исцеления, но на поверку оказывающиеся сущей ерундой. Разве можно стереть шрамы, которые оставляет сама жизнь?

— Ты зачем это сделала, Маша? — Голос стал серьезным. Мотнув головой, Валера отбросил челку с лица, а Маша снова увидела того мальчика, в которого влюбилась с первого взгляда двадцать пять лет тому назад. Необыкновенно серьезного, в чистой белой футболке, так непохожего на вечно грязных и оборванных хулиганов, живших в их дворе. Она сразу же поняла — он должен быть ее. И все так и было, пока та, другая, не появилась в жизни Валеры, а у Маши на руке, как результат, не появились шрамы.

— Потому что ты меня бросил. — Маша внезапно почувствовала себя взрослой и смелой, той, кто может сказать правду, не заботясь, что о ней подумают.

— Ты что, дура, Маша? — опешил Валера и запустил ладонь в волосы. И снова защемило сердце. Маша, потянувшись, словно кошка, крепко прижалась к нему.

— Дура, да, потому что жить без тебя не могла, — прошептала в самое ухо.

— А сейчас можешь? — через несколько мгновений спросил Валера, переводя взгляд на Машу.

Она действительно очень изменилась за то время, что они не виделись. Из глупого котенка выросла в грациозного зверя, такого независимого, самостоятельного, чужого и от этого еще более привлекательного.

Темные густые волосы ртутью стекали по плечам, подчеркивая бледность кожи. Бордовые, словно перепачканные в рубиновом вине губы и черные глаза, похожие на спелые маслины. Все это навевало мысли о жарком полдне где-нибудь на юге, когда хочется откинуть груз проблем и с головой уйти в пылающую, хмельную любовь. Маша — это чувства, эмоции, энергия и нулевое радио.

Наверное, ему действительно следовало остаться с ней, его способности мыслить трезво хватило бы на двоих. Но тогда его пугали и даже

слегка напрягали ее верность и преданность. Ее желание следовать за ним повсюду, словно преданный пес за любимым хозяином. Ее неспособность сказать ему «нет». Маша исполняла любые его желания, даже самые сумасбродные. Она его боготворила. А ведь, как оказалось, ощущать себя богом чертовски приятно.

Ему даже не хватало этого ощущения в первое время. Ведь Ира такой не была. Ирина сама царила на вершине пантеона и лишь снисходительно позволяла себя любить. Разрешала добиваться, завоевывать.

Именно это и привлекло его тогда. Кто станет охотиться на домашнюю утку, если в перспективе маячит дикий селезень? Так он за ней и охотился все семь лет. В итоге его добычу подстрелил куда более опытный охотник.

Конечно, в процессе охоты были и другие, попроще. Лисы, зайцы, лемминги, полевки. А вот Ира ускользнула, став чужим победным трофеем. Эта бесконечная борьба измотала его. Пора было сделать перерыв и снова почувствовать себя божеством.

Ира бы никогда не стала резать из-за него вены, а вот Маша это сделала. Валера вдруг почувствовал животную потребность подмять ее под себя, стереть с нее запах другого владельца. Она всегда была его собственностью и должна была ею оставаться.

Он грубо привлек Машу к себе и, поцеловав, снова бросил на кровать.

— Я ошибся, — прошептал он ей несколько минут спустя, снова пережив острое наслаждение. И ловко закинул крючок: — Как я могу все исправить?

— Никак... — Он почувствовал, как его рука, которой он гладил Машу по лицу, стала влажной.

Она беззвучно плакала.

Мы не можем повернуть время вспять. Не можем развязать стянутый в запутанный узел клубок судьбы. Не можем отменить жизнь.

— Это невозможно исправить.

* * *

Родителям она сказала, что уехала раньше, потому что Верочка заболела. Мама, конечно, начала волноваться и совать банку домашнего малинового варенья. Но за этим волнением чувствовалась скрытая радость — ее легкомысленная, непутевая дочь все-таки стала хорошей матерью. И про родителей не забывает. А самое главное, ее большая любовь в прошлом. Ведь будь это не так, Маша бы непременно постаралась задержаться в городе подольше. А тут вот даже билет поменяла, чтобы поскорее к мужу и дочери вернуться. Наконец-то поняла, в чем в жизни счастье.

Маше даже пришлось разыграть в аэропорту спектакль с проводами. Расцеловав родителей и убедив их не провожать до последней черты, Маша свернула в ближайший туалет, откуда позвонила мужу и соврала, что отец плохо себя чувствует, поэтому она немного задержится. Миша, как обычно, не возражал.

Валера забрал ее из аэропорта час спустя.

Эта неделя была выдана им кем-то щедрым на небесах, в награду за все страдания и потерянное время. И Маша, наслаждаясь каждой секундой рядом с Валерой, занималась самообманом. Уверяла себя, что надышится, насытится его теплом, пропитается запахом и этого ей хватит еще на несколько лет. В идеале на десять. Когда Верочка вырастет и поступит в университет, она сможет уехать, вернуться сюда, на родину.

Хотя Валера и предложил ей развестись и даже собирался растить девочку как собственную, Маша отказалась. Умом она понимала, что в Европе Верочку ждет лучшее будущее. Девочка вырастет, поступит в университет, встретит хорошего парня, которого будет любить и с которым вместе состарится. Она, Маша, просто обязана дать ей все это, чтобы хотя бы немного искупить то ужасное чувство, точившее ее каждый раз при взгляде на дочь. Чувство вины за то, что она так и не смогла полюбить эту девочку, так похожую на папу. Ведь это должна

была быть дочь Валеры, а не Миши. Она вообще не должна была рожать от другого. Это было предательством того, для кого она была создана. Но она непременно еще родит Валере ребенка. Сына. Время у нее еще есть.

Валера был готов ждать, признавался в любви, говорил, что жизни без нее не представляет. Втайне от любимого она записывала все это на телефон. Будет слушать, когда станет совсем тяжело. А в том, что будет тяжело, она была уверена.

* * *

Про мужа Маша старалась не вспоминать до того момента, как увидела его в аэропорту — такого высокого, мягкого, похожего на игрушечного медведя. В руках традиционный букет розочек — он всегда встречал ее с цветами и дарил их после каждой ссоры. Сейчас Маша и не могла вспомнить, с какого момента возненавидела живые цветы.

— Как папа?

Маша ловко уклонилась от мокрого поцелуя мужа, неуклюже клюнув его в щеку и крепко обняв дочь. Надо будет ограничить ей сладкое и мучное, у Верочки уже наметилась фигура отца. Только этого не хватало. Хватит того, что она унаследовала его внешность — белесая, бесцветная, так похожая на местных обитателей.

— Нормально, — после секундного замешательства ответила Маша, чуть не выдав себя с головой. Она уже успела забыть, что наврала мужу. — Обошлось.

— Я припарковался на дальнем паркинге, рядом мест не было, просто пик сезона. — Миша, не переставая улыбаться, ловко подхватил чемодан жены и, словно атомный ледокол, вонзился в разномастное человеческое море, начав прокладывать путь к выходу.

Маша и Вера последовали за ним, надежно укрывшись за широкой спиной.

— Ты прекрасно выглядишь, какая-то другая, — шепнул ей муж, открывая перед Машей дверь машины и ожидая, пока она сядет в салон.

— Мама, а ты можешь сесть рядом со мной? — жалобно попросила Верочка, покорно залезая в автокресло, стоящее на заднем сиденье.

— Милая, ты же знаешь, что меня сзади укачивает, — смалодушничала Маша, садясь на переднее сиденье и едва не задохнувшись — вся машина пропиталась Мишиным запахом. Она приоткрыла окно и сделала жадный глоток воздуха.

До дома доехали молча. Даже дочка смотрела в окно, не проронив ни слова, чтобы ничем не нарушить мамин покой. Она уже четко уяснила, что если мама не хочет с ней общаться, то лучше на этом не настаивать, иначе накажут.

Их небольшая квартира на втором этаже добротного четырехэтажного дома была похожа на рекламу бюджетного средства для мытья полов. Миша сделал уборку накануне, а Верочка ему в этом помогала, о чем она робко сообщила матери, стоило им переступить порог квартиры. Маша молча потрепала дочь по голове и направилась в спальню, чтобы сбросить и спрятать в шкафу одежду, все еще хранившую запах Валеры. Стирать она ее не будет. Возможно, это хоть как-то поможет ей выжить.

Быстро переодевшись и накинув легкий халат — в душ, немедленно, пока не разрыдалась на глазах у семьи, — Маша окинула быстрым взглядом спальню. Ее родителям, всю жизнь прожившим в небольшой двухкомнатной квартире с проходной комнатой, их с Мишей жилье показалось пределом мечтаний.

Две отдельные спальни и просторная гостиная, объединенная с современной кухней столовым пространством. Маму привели в восторг два отдельных туалета и душа. Она была счастлива, не понимая, что в новой стране такая вот роскошь стоит чуть ли не на последней ступени в социальной иерархии. И позволить ее себе могут даже самые небогатые люди.

Роскошь — это дом с собственным парком, а их две отдельные спальни — это так, ничего выдающегося. Впрочем, выбор жилья был их

обоюдным решением. Недавно Миша сменил работу. За те два года, что он набирался опыта в небольшой компании, он вполне прилично выучил язык, в отличие от Маши, и смог претендовать на хорошую позицию в крупном международном холдинге. Пройдя скрупулезный отбор, Миша был назначен руководителем небольшого подразделения, и они впервые смогли позволить себе купить запас еды на неделю, не глядя на ценники и не высматривая приевшуюся табличку «акция».

В честь повышения муж купил Маше ювелирный комплект с полудрагоценными камнями и даже предложил переехать в квартиру побольше в более престижном районе. Верочка пошла в первый класс, и Мише хотелось, чтобы она училась в одной из центральных школ. Но Маша предложила мужу потерпеть и накопить на собственное жилье. Жили же они в этом районе, и неплохо жили, познакомившись с пестрыми соседями, галдевшими на всех языках мира, но неизменно приветливо улыбавшимися их белокурой дочери.

Иногда ночами, дождавшись, пока муж уснет, Маша в тоске бродила по ставшему родным району, и ей никогда не бывало страшно, несмотря на то что место считалось неблагополучным и даже полиция неохотно выезжала сюда на вызовы. Возможно, крылось в ней некое безумие,

отпугивавшее мелких преступников. К такой по-
дойди с ножом, так она сама тебя зарежет.

Единственное, что могло бы заставить ее
сейчас переехать, — это старый дом с больши-
ми окнами. Давнишняя мечта. Маша даже была
согласна на руины в нежилом состоянии, вроде
тех, что показывали в британском шоу, которое
она любила посмотреть в часы бессонницы, меч-
тая, что когда-нибудь сама займется реставраци-
ей и ремонтом.

Маше казалось, что, став хозяйкой большого
старого дома и погрузившись в хозяйственные хлоп-
поты, она сможет отвлечься и немного примирить-
ся с действительностью. Но, вернувшись из род-
ной страны, она отчетливо поняла — не сможет.
Ей не нужен дом, не нужна реставрация, и даже
парк, в котором можно было бы писать картины,
не нужен. Ей ничего не нужно без Валеры.

— Мама, давай поиграем. — Верочка робко
постучала в приоткрытую дверь, заставив Машу
стряхнуть оцепенение. Поплотнее запахнув ха-
лат, она направилась к двери. Резко толкнула,
едва не задев дочь.

— Вера, маме надо в душ и отдохнуть, а потом
поиграем. — Стараясь не замечать расстроенного
личика, Маша решительным шагом направилась
в ванную. Нет, не душ, ей надо полежать в го-
рячей воде, укутавшись в ароматную пену, и не-
много прийти в себя.

— Мама, а мы с папой печенье тебе вчера испекли, хочешь одно?

— Потом. — Маша ускорила, дочь начинала действовать на нервы.

— А еще папа говорил, что мы все вместе сегодня пойдем в ресторан, — не сдавалась Верочка, хвостом следуя за матерью.

— Вера, все потом. — Тело и душа молили об уединении, а Миша, как назло, вернулся к машине, чтобы достать чемоданы. Почему он не взял Верочку с собой? Неужели он не понимает, что ей нужен отдых после перелета? Маша почувствовала, как глухое раздражение, шкворчавшее в груди последние пару лет и погасшее лишь на время ее поездки, снова вернулось и вытеснило то, что должно было находиться в области сердца, — любовь, нежность, терпение и понимание. Она сделала глубокий вдох, стараясь не кричать. Нельзя так. Они ведь долго не виделись с дочерью. Она старше, она умнее, должна понимать, что Вера всего лишь ребенок, скучающий пусть по непутевой, но матери.

— Верочка, а давай я тебе мультики включу? — Маша сделала несколько шагов по направлению к небольшому столику, на который они складывали различную мелочовку — ключи, телефоны, пульты. Но не успела она взять в руки нужный ей прибор, как Вера, ее тихая, нежная Вера, вдруг закричала, впадая в настоящую истерику:

— Я не хочу мультики! Надоело! Я хочу гулять и в ресторан!

— А ну, прекрати орать! — немедленно поддалась на провокацию Маша, повышая голос, чтобы перекричать дочь. Но послушная, робкая Верочка за долю секунды превратилась в неуправляемое чудовище.

— Ты плохая! — войдя в раж, продолжала кричать она. — Плохая, плохая!

— Что? — Ослепленная гневом, отчаянием и собственным бессилием, Маша автоматически занесла руку для удара, но что-то жесткое и сильное парализовало ее. Едва не упав, Маша взмахнула свободной рукой в воздухе, разворачиваясь и оказываясь лицом к лицу с мужем.

— Нет, — тихо, но в то же время властно и как-то по-новому отрезал Миша, — ты ее не ударишь.

Несколько секунд муж смотрел ей в глаза, и Маше вдруг стало холодно. Что-то изменилось. Они все изменились. Она закрыла глаза, досчитала до пяти и ровным голосом попросила:

— Отпусти меня.

Муж немедленно выполнил ее просьбу и, в два больших шага преодолев пространство небольшой гостиной, подошел к дочери. Подхватил, словно раненого воробушка, на руки и, прижав к груди, начал гладить по голове и тихонько успокаивать:

— Ну-ну, малышка, ну ты чего? Мама просто устала, ей надо отдохнуть.

— Я хочу гулять и в ресторан, — продолжала заходиться Верочка, а Маша собиралась сказать, что так нельзя, что Миша разбаловал девочку, что она не знает слова «нет» и растет эгоисткой, но вместо этого она просто вернулась в спальню, скинула халат, рывком достала из шкафа спрятанные «Валерины» вещи и, скользнув в джинсы и рубашку, выбежала из дома, прихватив в прихорей кроссовки.

Обулась в подъезде, стараясь не закричать в голос, чтобы заглушить вопли Верочки, продолжавшие отталкиваться эхом от тишины вечно сонного дома. Чего доброго, соседи полицию вызовут и обвинят их в жестоком обращении с ребенком.

Истерический смешок сам собой вырвался из груди, и Маша поспешила закрыть рот рукой. Толкнув тяжелую дверь, она вырвалась из подъезда и побежала что было мочи, жадно вдыхая прохладный горьковатый воздух и чувствуя, как потихоньку начинают гореть легкие. Когда воздуха стало не хватать, она немного сбавила темп, решив направиться в сторону заправки, стоящей на выезде из города.

В том направлении мало кто решался гулять по вечерам, даже собачники избегали извилистой тропинки, что вела через небольшой парк

к скоростному шоссе, на обочине которого и находилась заправка.

Она добежит туда, выпьет кофе (все равно не уснуть!) и переведет дух. Маша похлопала рукой по карманам — звякнула мелочь. Хорошо.

Маша перешла на размеренный бег и нырнула в прохладную темноту парка. Реши она просто сократить путь и понадеяться на то, что благополучно минует недоброе место, ей бы обязательно не повезло. Наверняка столкнулась бы с кем-то из наркоманов или тех, кто снабжает их отравой. Но сегодня она была бы рада проблемам. Ей даже хотелось встретить отморозка и, вцепившись в него, выместить всю боль и ярость.

Естественно, парк она благополучно миновала и, выбежав к заправке, перешла на шаг, пытаясь восстановить дыхание.

В поздний час возле многочисленных колонок практически никого не было. Лишь запоздалый бургер селся в уже заправленную семейную машину, чтобы отправиться в теплую уютную квартирку, где его ждет такая же теплая, уютная жена. Такая, какой Маше никогда не стать.

Два огромных трака, перевозившие по ночам продукты для супермаркетов, стояли в специально отведенном для них месте. Сквозь огромные стеклянные окна заправки было видно молодого продавца, маявшегося от скуки в ночную смену.

Отдышавшись, Маша зашла в стеклянный домик, в котором уютно разместились небольшое кафе, магазин со всякими мелочами и касса заправки. Заказав черный кофе, она устроилась на высоком стуле, стоявшем в укромном уголке, скрытом от глаз продавца продуктовыми полками, и принялась глазеть в темноту, точно подсвеченную фонарями.

Воспоминания нахлынули помимо воли. Каждый взгляд, вздох, слово. Свет фонарей расплылся, и Маша поняла, что плачет. Смахнув непрошеные слезы, она попыталась глубоко дышать и не думать о том, как она вернется домой. Может, ей стоит погулять до утра, дожждаться, когда Миша и Вера уедут на работу и в школу, и тогда вернуться? Ну хорошо, ночь и день она выиграет, а дальше что?

Не сдержавшись, Маша снова всхлипнула и тут же закрыла рот рукой. Не хватало еще разреветься здесь.

— Не плачь, подруга, все будет хорошо!

Высокая, симпатичная, хорошо одетая девушка примостилась на соседнем стуле. В руках бумажный стаканчик с чем-то приторно сладким, не похожим на кофе. Откуда она взялась? Машины ведь не подъезжали к заправке, Маша бы увидела. Тоже пришла из леса, как она?

За их спинами раздались мужские голоса. Маша оглянулась, чтобы увидеть, как парниш-

ка-продавец передает кряжистому мужчине лет пятидесяти две пачки сигарет. Быстрый взгляд на свою неожиданную собеседницу, и мысль еще не успела оформиться в голове, как девушка кивнула:

— Да, я тут работаю. За ночь один-два голубчика заглянут на огонек, так что работа не пыльная. Ну и не обижают меня, в основном одни и те же приезжают. Я тут две-три недели постою, плюс на дому приму кое-кого, а потом радую себя.

Девушка поспешно стянула с себя короткий пиджачок и вывернула его наизнанку:

— Смотри, «Шанель», настоящая!

Маша, не скрываясь, внимательно посмотрела девушке в лицо. Они были чем-то похожи. Обе невысокие, темноволосые, белокожие. Вот только в отличие от растрепанной зарезанной Маши девушка была обильно накращена и одета в дорогие вещи.

— Ты что, занимаешься этим ради шмоток? — неожиданно для самой себя выпалила Маша.

Непрошенная собеседница показалась милой и даже родной, такая же мятущаяся душа, не созданная для спокойной семейной жизни.

— Ну нет, — нараспев возразила она, — ты не понимаешь, это не просто шмотки. — Девушка деловито надела пиджак и с удовольствием взглянула на свое отражение в стекле. Любовно

погладив мягкую ткань, чуть приподняв голову и прищулив глаза, она победоносно взглянула на собственное отражение. — Понимаешь, это уважение. Тут я работаю по ночам, а днем, в перерывах между «голубчиками», я хожу по улицам, и все эти люди смотрят на меня и думают, что я жена какого-нибудь важного человека. В ресторане официанты бегут ко мне принять заказ, а в бутиках, куда я захожу присмотреть себе что-нибудь новенькое, продавцы всегда предлагают мне кофе. Я сижу на их мягких диванах, дышу этим особым воздухом больших денег и чувствую себя человеком. Раньше у меня никогда такого не было, я даже в ресторан боялась зайти сама и пообедать. Разве что кофе где-нибудь на террасе пила. Так что это не просто шмотки, понимаешь?

Мария кивнула. Каждый заполняет пустоту собственной жизни как может. Кто-то любовью, кто-то работой, кто-то детьми, а кто-то вещами. В этом нет ничего плохого. И хорошего тоже нет.

Некоторое время они молча цедили свои напитки по крошечному глоточку, глядя на собственные отражения в стекле. Нарядная ночная бабочка и несчастная домохозяйка.

— Ты будешь здесь завтра? — Маша дружелюбно улыбнулась девушке. Забавно, это первый человек, с которым ей удалось спокойно погово-

ритель, не подыскивая нужных слов, без натужной улыбки, напряжения и страха сказать что-нибудь не так. Может, они подружатся? А что? Ей так отчаянно не хватает близкого человека.

— И завтра, и послезавтра, — подмигнула девушка, заметив, что на стоянку заехала очередная фура.

Изящно соскользнув со стула, она направилась к двери, помахав новой знакомой на прощание. Двери расплылись в стеклянной улыбке, выпустив девушку на улицу, и та, легонько покачивая бедрами, направилась к стоянке, к очередному «голубчику» и очередной красивой вещи.

Маша, одним глотком допив остывший горький кофе и пожелав продавцу доброй ночи, последовала за ней. Преодолев заправку, она свернула в парк. Рука сама потянулась к телефону, хотя она клялась себе не звонить ему и не писать и даже на всякий случай удалила его номер из телефона. Но это было лишь позерство и фиглярство. Конечно же, номер она помнила наизусть.

Набрав не глядя и услышав сонное «алло», сообщила:

— А я только что познакомилась с проституткой, которая любит «Шанель».

— Ты сумасшедшая, — выдохнул Валера, она увидела, как он, встревоженный звонком посреди ночи, снова расслабляется и падает на подуш-

ки, закрывает глаза с пушистыми ресницами, чтобы заснуть под звук ее голоса, как это было много раз.

— Я знаю, — тихо засмеялась она, вступая в густые тени парка, которые через пару часов начнет разгонять солнце. Она шла медленно, стараясь растянуть каждое мгновение, только чтобы слышать его дыхание и мягкий голос. — Я скучаю.

— Я тоже, малыш. Бросай все и приезжай ко мне.

— Я не могу, ты же знаешь, мы это уже обсуждали, Вера...

— Ну что Вера, как у нас люди живут, растут, чего-то в жизни добиваются и даже вполне счастливы? Захочет — вырастет и уедет за границу. — Валера снова завелся. Пожалуй, их совместное будущее было единственной темой, по которой они не могли договориться. Валера считал, что Маше с дочерью надо вернуться, а та не могла и не хотела ломать жизнь мужу и ребенку.

— Валера, я люблю тебя. — Она постаралась, чтобы слезы в голосе не были слышны.

— Тогда не рви мне душу, Маша.

Она не успела ничего ответить, как в трубку полились гудки.

Маша не помнила, как добежала до дома. Кажется, некоторое время она просто бежала куда глаза глядят, путаясь между домами, не узнавая

давно исхоженных троп. Чувствовала себя зверем, попавшим в ловушку, которого того и гляди загонит гончая, а затем охотник собьет одним точным выстрелом.

Ей бы и хотелось, чтобы в одну секунду все оборвалось, потому что выносить эту боль она была не в силах. Добежав до небольшого питьевого фонтана, заботливо украшенного горшком с полыхающей геранью, она опустила разгоряченное лицо в ледяную воду, но вместо того, чтобы вскрикнуть от болевого шока, рассмеялась, едва не задохнувшись водой. С трудом отдышалась и попыталась унять неуместный смех. Господи, никто ее не пристрелит, тут ведь даже охотников нет, все зверюшки, включая ее саму, под охраной.

До своего подъезда Маша добралась на рассвете. Проигнорировала удивленный взгляд пожилого соседа, вышедшего на раннюю прогулку с псом. Лишь кивнула и отвела глаза, чтобы избежать ненужных разговоров. Разулась перед дверью, чтобы не разбудить дочь с мужем, и тихонько скользнула в открытую дверь — Миша так и не закрыл после ее ухода. Дурацкая привычка доверять всему миру.

Муж не спал. Сидел на кухне перед чашкой с остывшим чаем. Не обернулся, когда она вошла и подошла к окну, в которое уже начало пробираться сентябрьское солнце.

— Пожалуйста, не бросай меня.

Ей даже показалось, что она ослышалась. Но Миша повторил еще раз и, резко встав со стула, в два шага преодолел покрывшееся льдом пространство между ними, обнял неподвижно стоявшую жену.

— Пожалуйста, не бросай меня. Ты ведь обещала. Мы оба обещали. Мы должны Верочке, мы сможем, я все прощу, только не бросай. Я тебя никому не отдам, слышишь? Мы так долго к этому шли, мы ведь начали жизнь сначала, у нас все хорошо, — беспомощно забормотал он, прижимая пропахшую бензином и горьким сентябрем Машу к себе, а та наконец дала выход слезам.

— Вам будет лучше, если меня не станет, — пытаюсь не задохнуться, возразила она.

— Возможно, — в звенящей тишине подтвердил Миша и наконец-то взглянул жене в глаза, — потому что мы не сможем жить, зная, что ты нас бросила. Понимаешь?

— Да, понимаю, — через какое-то время кивнула Маша. Она действительно все понимала. Никто не оборвет агонию, не пристрелит из жалости загнанную лошадь. Разве что она сама убьется.

— Скажи, что мне сделать? Хочешь, кольцо тебе куплю с большим бриллиантом? Или поедем в кругосветное путешествие? Наплюем на деньги, да и есть они на самом деле. Давай? Только ты и я? Попрошу родителей за Вероч-

кой присмотреть или отправим ее к твоим? Как тебе такая идея?

— Ничего мне не нужно, — захлебнувшись очередным приступом слез, прошептала Маша, прижимаясь к человеку, успевшему стать родным за все эти годы, — я вас не брошу, не переживай.

* * *

Что ей было терять? Жизнь? Но ведь она и так была мертва. Мертва, когда смотрела, как танцует и поет ее дочь, когда слушала наивные детские рассказы о первых радостях и печалях. Глубоко внутри она вяло завидовала Верочке, хотела бы оказаться на ее месте, когда рядом есть взрослый, который может о тебе позаботиться и, поделив мир на черное и белое, легко и просто рассказать, как будет «правильно» и «хорошо». Рассказать, как лучше выйти из сложной ситуации и как поступить, чтобы обойтись наименьшими потерями.

Детство никогда не вернется, а с ним и теплое ощущение такого простого и всеобъемлющего счастья. Есть лишь одно место в мире, где она снова могла почувствовать себя маленькой девочкой и спрятаться от всех невзгод, но это место было для нее закрыто. И все чаще она задавала себе вопрос, а был ли смысл жить еще где-то, помимо этого самого места.

Вначале у нее не было ответа на опасный вопрос, но затем он, конечно же, появился. Написав черной несмываемой краской на выжженной белой доске, в которую превратилась ее душа: «Нет».

Если не рядом с ним, то нет смысла жить где-то еще.

Она пыталась поговорить об этом с психологом, но он зачем-то стал спрашивать ее об отношениях с родителями, а потом предложил пойти на консультацию к психиатру, сообщив почти интимным шепотом, что только тот сможет выписать ей подходящее лекарство. Кажется, она тогда рассмеялась. Как лекарством можно заполнить душевную пустоту? Они хотят превратить ее в растение, пускающее слюни на сентиментальные мелодрамы и восторженно хлопающее в ладоши при виде кривобоких шедевров собственного ребенка. Нет, не выйдет. Она видит их насквозь.

Маша пыталась рассказать о том, что она не создана для материнства. Постыдная правда, которую принято скрывать. Чтобы окружающие не узнали, какое ты чудовище на самом деле. Ведь если в тебе нет материнского инстинкта, значит, ты генетический брак, ошибка природы, не имеющая права на существование.

Ее собственная мама была прекрасной, любящей, заботливой матерью, вознесшей дочь на

пьедестал. А вот на ней, Маше, природа дала сбой. Ведь она так и не смогла полюбить ребенка от нелюбимого человека.

Иногда такое случается. Материнский инстинкт не всем женщинам раздается по умолчанию, кто-то напрочь его лишен. Но очень немногим хватает смелости открыто заявить об этом и выдержать избиение камнями, что неизменно обрушится, стоит лишь заикнуться, что ты не хочешь детей. Отчаянных смельчаков (забавно, но в русском языке у слова «смельчак» нет женского рода) единицы, но и они, Маша была уверена, впоследствии горько жалеют, что решились сообщить миру о своем нежелании обзаводиться потомством. Большинство такие же малодушные трусихи, как она.

Трусливо рожают, потому что так надо. А кому надо, и сами толком не знают. Психолог что-то там твердил про паттерны и чувство ответственности. Больше она к нему не ходила.

Она лежала ночами рядом с Мишей, иногда дарила ему любовь, неизменно представляя на его месте Валеру. Валеру, не отвечающего на ее звонки и сообщения. Лишь написавшего кратко: «Делай выбор, я так больше не могу» — и пропавшего.

А она могла? Нет, она тоже не могла. Мысль о том, что ее смерть лишь облегчит жизнь окру-

жающим, прочно угнездилась в голове и крошечным гвоздиком прорывала тонкий путь к сердцу.

Вначале она отвергла ее — здоровая психика блокирует любую опасность, несущую угрозу жизни и здоровью. Но она, возможно, нездорова, потому что спустя некоторое время мысль о собственной смерти перестала казаться столь уж фантастической. Ей даже понравилось с ней играть, красочно воображая, как все произойдет.

Что бы она выбрала? Таблетки? Нет, здесь не продадут без рецепта такие таблетки, которые могли бы отправить ее на тот свет.

Броситься с крыши? Не вариант — несколько секунд до финала заставят ее испугаться и раскаться, а ей не хотелось умирать вот так. Голова должна быть чистой, а сердце до последнего помнить самые сладкие моменты. Умирать нужно с любовью, а не со страхом.

Вначале Маша, конечно же, гнала подобные мысли прочь. Попыталась подпитываться энергией Верочки, изо всех сил старалась разглядеть хорошее в муже. Но в то время как мозг фиксировал, как все на самом деле прекрасно, сердце молчало. Биться оно начинало лишь тогда, когда она по привычке набирала номер Валеры, даже понимая, что он не ответит.

Она даже обдумывала мысль о том, чтобы покончить с собой в момент, когда будет звонить Валере, но тут же отмела ее. Наверняка начнутся

полицейские разбирательства, посмотрят последние звонки с телефона. Нет, Миша и Вера этого не заслуживают, на них и так обрушатся горе и страдание. Телефон придется уничтожить до того, как все произойдет. Она, пожалуй, утопит его в небольшом озере в парке возле дома.

Каждый день она собиралась сделать это, когда выходила на прогулку. Специально делала крюк, чтобы пройти мимо кукольного водоема, окруженного аккуратными клумбами, но рука не поднималась. А вдруг он позвонит? А вдруг? Дни убегали словно облака, которые разгонял сердитый осенний ветер, надежда становилась все призрачней, но еще теплилась.

Единственным, кто знал о Валере, была ее новая подруга, обслуживающая по ночам дальнотбойщиков на заправке. Смешно, но ее звали русским именем — Таня. Хотя в роду у нее русских не было, так, по крайней мере, она утверждала. Ее мать говорила, что ее отцом был рок-музыкант, но поручиться за это Таня не могла. Мама была еще та — Таня характеризовала ее всегда крепким непечатным словечком. Они не общались с тех пор, как Тане стукнуло шестнадцать и она сбежала из дома с парнем, обещавшим на ней жениться и провести рядом всю жизнь. Не то чтобы она его сильно любила, просто была готова на что угодно, лишь бы не стать такой, как собственная мать.

Но парня быстро поймали и отправили домой к родителям, больше она его не видела. Он лишь передал ей короткую записку: «Прости», а она, пожив некоторое время у друзей и знакомых, исчерпав лимит их гостеприимства, решила подзаработать на жизнь тем же, чем и мать.

— Это временно, — твердила Таня почти каждую ночь, распрощавшись с очередным «голубчиком» и делая глоток приторно-сладкого кофе, густо сдобренного химическими сливками. — Вот скоплю денег, сниму квартиру с видом на парк, пойду в университет учиться на психолога. У меня талант, люди любят рассказывать мне про свои проблемы, — неизменно хвастливо добавляла она.

В этом Таня не обманывала. Она действительно была прекрасным слушателем, куда лучшим, чем профессионал, равнодушно поглядывающий на часы и старающийся отстраниться от черных волн безысходности, которые выплескивали на него ежедневно незнакомые люди. Таня была добра, она искренне сопереживала. Именно ей Маша и рассказала про Валеру.

— Почему ты не уедешь к нему? — спросила подруга, когда Маша закончила свою горькую и нелепую историю.

— Я замужем, и у меня есть ребенок, — покачала она головой.

— Он что, не хочет жить с твоим ребенком? — удивилась девушка.

— Нет, что ты! — кинулась Маша на защиту любимого. — Просто... точнее, это все не просто. Моя дочь, она обожает отца, она уже не совсем малышка, ей будет сложно это объяснить, я и так не слишком добра к ней. Да и мой муж очень хороший человек, он не заслуживает этого. И мои родители просто не переживут, они и так не любят Валеру. — Маша наконец-то сформулировала для самой себя причину, по которой она до сих пор была здесь, а не на другом конце земного шара, рядом с тем, кого любила больше жизни.

— Ты говоришь о других, а как же ты? — помолчав, спросила Таня.

— Но ведь у нас всех есть какие-то обязательства перед другими, — слишком бурно, словно сама в это не веря, возразила Маша.

— А перед собой?

— Что перед собой?

— Перед собой у тебя какие обязательства? Ты разве не хочешь сделать себя счастливой?

— Очень хочу, — выдохнула Маша и даже рассмеялась от горечи ситуации, — но понимаешь, если я сейчас разрушу семью, то вряд ли смогу быть счастлива, дочь будет постоянно напоминать мне об этом. Скорее всего, она не найдет общий язык с Валерой, мы начнем ссориться, и он раскается в том, что впустил нас в дом.

— Ну и что? — легкомысленно пожала плечами Таня. — Ты не можешь знать, как все будет,

но точно знаешь, что хотя бы некоторое время ты побудешь счастливой. А потом, может, ты сама его разлюбишь и разочаруешься. Знаешь, как это бывает? Может, он просто блеснит на расстоянии.

— Нет, это невозможно, — покачала головой Маша и снова уставилась в темноту, время от времени подмигивающую ей огнями проезжающих из ниоткуда в никуда автомобилей.

Миша втайне от нее позвонил ее матери, чтобы узнать, что случилось во время поездки. Что заставило Машу так измениться по возвращении. Да и узнать, как себя чувствует ее отец. В ответ удивленная мать поведала, что Миша что-то путает, ведь Маша улетела раньше оговоренного, потому что торопилась к болящей дочери. И с ее отцом все в полном порядке.

Все это Миша рассказал ей сам и добавил, что он ничего не сказал ее матери о том, что на самом деле Маша вернулась позже. И спрашивать, где она была, он тоже не будет.

За это Маша возненавидела его еще больше. Валера наверняка разбил бы ей лицо или выставил из дома. Она даже на несколько мгновений задумалась о том, какой была бы его реакция. Что бы это ни было, она бы это прочувствовала. Валера бы точно не стал строить из себя святого и многозначительно молчать. Валера. Даже его

имя, произносимое про себя, отзывалось тупой болью где-то под лопаткой и мешало дышать. Без него жизнь становилась все тоньше и призрачней, и вскоре в ней не осталось ни малейшего смысла.

В один из вечеров она принесла Тане всю свою «выходную» одежду.

— Вот, возьми, я почти не носила. Если вдруг не понравится, то просто выбросишь. Но я надеюсь, что хотя бы что-то тебе подойдет.

— Это что, настоящее? — Таня немедленно запустила руку в большой бумажный пакет, украшенный логотипом известного модного дома, — на прошлый день рождения Миша подарил ей возможность купить все, что душа пожелает, в большом аутлет-центре. И пускай это были прошлогодние коллекции, но они были действительно пошиты известными домами мод. Девушка извлекла мягкую замшевую куртку пронзительно-желтого цвета, украшенную золотистой монограммой.

— Да, — кивнула Маша и даже улыбнулась, увидев неприкрытую радость на лице новой подруги, — здесь все настоящее, можешь не сомневаться.

— Ты думаешь, я не могу отличить? — на секунду оскорбилась Таня, а затем с сожалением засунула куртку назад, предварительно аккуратно сложив и любовно проведя пальцем по

швам. — Я не могу это взять. Это слишком дорогой подарок.

— Возьми, пожалуйста, иначе это все придется выбросить, мне это не пригодится.

— Эй, ты что это задумала, подруга? — нахмурилась девушка, и Маша впервые разглядела морщины, слишком глубокие для Таниного юного возраста, оставленные многочисленными «голубчиками», использовавшими ее тело. Эти морщины не могли разгладить даже лучшие модельеры мира.

— Ничего, — пожала плечами Маша. — Просто мне хотелось, чтобы ты порадовалась, раз уж я не могу.

— И тебе их не жаль? — вздохнула Таня, косясь на пакеты.

— Бери давай, — рассмеялась Маша, а ее подруга, проигнорировавшая очередного «голубчика», зашедшего выпить крепкий кофе и многозначительно уставившегося на девушку, сдалась и, поставив пакет на соседний стул, жадно принялась рассматривать сокровища. Натянула желтую куртку прямо поверх огромного свитера, с трудом просунув руки в узкие рукава и, вскочив со стула, закружилась вокруг себя, приплясывая.

— Ну, как мне? — восторженно поинтересовалась Таня, любуясь собственным отражением.

— Как на тебя сшита. — Маша улыбнулась при виде такой искрящейся радости.

Некоторое время спустя, взглянув на часы, показывавшие полночь, Маша соскользнула со стула и, расцеловав подругу в обе щеки, попрощалась.

После неожиданного признания мужа она дала ему слово, что будет возвращаться домой сразу после полуночи. Он в ответ пообещал не возражать против ее ежевечерних прогулок. Он ведь понятия не имел, что каждый раз, возвращаясь домой, она набирала номер Валеры, чтобы послушать гудки. Интересно, отключает ли Валера телефон на ночь или просто выключает звук, чтобы утром увидеть пропущенные вызовы? Маша предпочитала последнее, надеялась, что, несмотря на обиды, Валере радостно, что каждую ночь она думает о нем.

Бредя домой по ночному парку, Маша снова пережевывала собственные мысли и в этот раз наткнулась на что-то новое. А может, им всем вернуться? Она продолжит жить в семье и станет просто любовницей Валеры. Да, нехорошо, но из двух зол выбирают меньшее. И почему эта простая мысль сразу не пришла ей в голову? Это бы всех устроило. Она бы не травмировала ребенка, пока Вера не станет достаточно взрослой и не сможет принять ее уход. И она бы не причиняла боль Валере. И не заставляла бы его ждать.

Одна мысль, что он может и не дожидаться, приводила ее в ужас. Да, им надо вернуться,

и чем скорее, тем лучше. Тем более Миша все равно жаловался, что скучает по родине. Маша вдруг почувствовала себя счастливой. Надо предложить возвращение Мише, и чем скорее, тем лучше, пока не перегорел запал.

Миша, конечно же, не спал. Он теперь никогда не ложился спать до того момента, пока в замке не поворачивался ключ и жена не входила в дом. Жива и относительно здорова.

Муж сидел на кухне и силился отыскать в кромешной тьме ответ на вопрос, что же пошло не так и куда исчезло пусть хрупкое, но все-таки равновесие. Ответа не было. Впрочем, он знал правду, просто упрямо не желал ее признавать. Не хотел сознаваться самому себе, что потерпел сокрушительное поражение.

Маша включила свет и тихонько села на стул напротив мужа, окатив его ароматом ночи, влаги и беспокойства.

— Давай вернемся, — немного помолчав, робко предложила она.

— Куда? — бестолково спросил Миша, поднимая глаза, близоруко щурясь от яркого света.

— Домой.

— Маша, уже поздно, ложись спать. — Миша не был расположен вести беседы, слишком устал. Бессонные ночи уже начинали сказываться на работе, и недосып грозил стать хроническим, но он упорно не желал сдаваться и позволять жене

безоглядно делать все, что хочется. Где-то гулять до утра и подвергать себя опасности.

— Я говорю о том, что мы совершили ошибку, уехав, — не пожелала сдаться Маша, изо всех сил цепляясь за шанс снова стать счастливой.

— Но ведь это была твоя идея, — искренне удивился Миша, понимая, что очередного разговора не избежать, — ты ведь хотела уехать, ты же помнишь, как долго пришлось меня уговаривать! — с отчаянием воскликнул он, чувствуя все нарастающее раздражение. В последнее время он все чаще ловил себя на мысли, что начал уставать от капризов жены.

Маша кивнула, признавая, что муж прав. Это ведь она бежала, увлекая его за собой. Бежала от Валеры, от его женитьбы, от себя. Конечно же, сбежать ей не удалось. Новое место не может заменить человека. Все было зря, и, наверное, Миша пострадал даже больше, чем она сама.

Ему ведь первое время действительно пришлось несладко. Изучая язык, он, высококвалифицированный специалист, был вынужден хвататься за любую низкооплачиваемую работу, чтобы прокормить семью, — ведь сразу после переезда Маша забеременела Верочкой. Его путь к карьерным вершинам был тернист, и Миша неоднократно жаловался, что на родине мог бы достигнуть куда больших высот. И что он соскучился по родным и друзьям. По родной еде, му-

зыке, праздникам. По привычной bestолковости и человечности.

— Да, я знаю, что это была моя идея, — смиренно покаялась Маша и подняла на мужа глаза, полные слез, — но я больше не могу здесь жить, я хочу вернуться.

Миша встал со стула и подошел к жене. Она резко подалась ему навстречу и затаила дыхание. Вот он, поворотный момент. Он согласится, и через несколько недель она снова сможет увидеть Валеру.

Миша обнял ее за плечи и привлек к себе, целуя в волосы.

— Давай уедем, пожалуйста, — плаксиво повторила Маша.

— Нет, — прошептал муж ей на ухо, — мы останемся здесь.

Маша рванула в сторону, словно что-то хлесткое, как укус змеи или удар плеткой, попало в самое сердце, но Миша ее удержал. Резким движением снова привлек к себе и повторил еще раз, на этот раз повысив голос:

— Ни я, ни Вера — мы никуда не поедем. Это наш дом, и это будущее нашего ребенка. А если ты решишь уехать, то это твой выбор. Только знай, что больше ты нас никогда не увидишь. Потому что Веру я тебе не отдам. Не разрешу гробить жизнь дочери в угоду твоим капризам.